

АКМЕИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СИМВОЛИЗМУ: ТВОРЧЕСТВО ГУМИЛЁВА И АХМАТОВОЙ

Якубова Мунаввар Исмаиловна

Преподаватель кафедры русского языка и

литературы Самаркандского

государственного педагогического института

Фаязова Саида

Студентка 3 курса Самаркандского

государственного педагогического института

Аннотация. Статья посвящена анализу акмеизма как альтернативного направления по отношению к русскому символизму на материале творчества Николая Гумилёва и Анны Ахматовой. В исследование рассматривали мировоззренческие, художественные и поэтические особенности акмеистского метода, выявляет эстетические принципы группы «Цех поэтов» и прослеживает, каким образом поэты стремились к «ясности земного мира», конкретности образа и трезвому ощущению реальности в противовес символистскому тяготению к мистике и трансцендентному. Особое внимание уделяется своеобразию поэтики Гумилёва и Ахматовой, а также тому, как их индивидуальные творческие стратегии воплощают основные принципы акмеизма, сохраняя при этом неповторимую художественную индивидуальность.

Ключевые слова. Акмеизм, символизм, ясность образа, конкретность, Гумилёв, Ахматова, Цех поэтов, поэтика, модернизм.

Abstract. The article examines Acmeism as an alternative to Russian Symbolism through the works of Nikolai Gumilyov and Anna Akhmatova. It explores the

philosophical, aesthetic, and poetic foundations of Acmeism, highlighting the principles of the “Guild of Poets” and the movement’s orientation toward clarity, tangible imagery, and a sober perception of reality in contrast to Symbolist transcendentalism. Special attention is given to the poetics of Gumilyov and Akhmatova, demonstrating how their unique creative strategies embody the ideals of Acmeism while preserving individual artistic identity.

Keywords. Acmeism, Symbolism, clarity of imagery, concreteness, Gumilyov, Akhmatova, Guild of Poets, poetics, modernism.

Акмеизм возник в исторический момент, когда символизм, долгое время доминировавший в русской поэзии, исчерпал внутренние ресурсы. Само намерение Гумилёва и его единомышленников противопоставить символизму новую художественную программу свидетельствовало о зрелой потребности модернизма в уточнении собственных границ. Символизм предлагал поэту раствориться в неведомом, услышать «музыку сфер» и искать тайный смысл мироздания, рассеянный между видимым и невидимым. Акмеизм же требовал возвращения к миру предметов, к осязаемой, плотной, материальной реальности. Эта перемена была не просто стилевой или эстетической — она означала сдвиг всей оптики восприятия. В манифестах акмеистов, прежде всего у С. Городецкого, подчёркивалась необходимость «мужественной трезвости», «преклонения перед красотой земного мира». Осип Мандельштам, развивая идею, писал о «желании поэта владеть словом так, как владеют хорошо отточенным клинком», подчёркивая ремесленный аспект творчества. Эти декларации, по мнению В. Жирмунского, отражали стремление вернуть поэзии плотность и предметность, утраченную в период господства символизма. Он отмечал, что акмеисты «вновь открыли значимость самой вещи, не уводя её в область видений и намёков».¹

Этот сдвиг прекрасно просматривается в творчестве Гумилёва, который одним из первых поэтов модернизма попытался воссоздать целостную картину

¹ Жирмунский В. М. Творчество акмеистов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001.

земного бытия, переполненную экспедицией, путешествием, прямым взглядом на мир. Для него не существует «тумана», столь любимого символистами: перед читателем будто неожиданно расступаются облака, и проступают горы, пустыни, дороги. В одном из его стихотворений герой словно идёт по каменистой тропе, слыша сухой хруст песка под сапогами, ощущая на плечах горячий ветер. Эти описания, переданные здесь в художественном пересказе, подчёркивают материальную ощутимость мира: вещи называют себя сами, без мистических обертонов. Критики отмечали, что Гумилёв создаёт образ поэта-деятеля, поэта-воина. Литературовед Л. Я. Гинзбург подчеркивала, что его лирический субъект «всегда устремлён вперёд, в сторону действия, поступка, воли».² Именно эта волевая интонация делает его поэтику резко отличной от акмеистов-лириков, таких как Ахматова, хотя оба они разделяют акмеистское стремление к точности и ясности.

У Ахматовой акмеизм проявляется прежде всего в исключительной предметности и сдержанной эмоциональности. Её ранняя лирика строится на точных деталях, которые складываются в психологический рисунок ситуации. Например, в одном из стихотворений, пересказанном здесь художественно, героиня замечает, как «тонкое кольцо скользнуло с пальца и застыло на столе, словно маленькое золотое солнце». Эта вещная деталь не нуждается в символистском «втором плане»; она сама по себе — знак, но знак реального, не мистического. Ахматова отвергает чрезмерную символизацию, позволяя чувству звучать трезво и строго. Важным аспектом акмеизма становится понимание поэзии как ремесла. Сам Гумилёв неоднократно подчёркивал, что стихотворение требует точности, подобной точности архитектора, создающего храм. В его художественном пересказе можно представить, как поэт описывает храм не как намёк на небесное, а как реальное строение: массивные колонны, прохладные тени, резной камень, отполированный ладонями множества поколений. Это ощущение формы, фактуры и веса предмета — ключевое качество акмеистской

² Гинзбург Л. Я. О лирике. — Л.: Советский писатель, 1974.

поэтики. Ахматова, несмотря на иной темперамент, также следует этому принципу. Её стихи — тщательно выстроенные композиции, в которых каждая деталь несёт смысловую нагрузку. В художественном пересказе одного из её текстов можно представить, как героиня сидит в полутёмной комнате, и единственный луч света падает на раскрытую книгу, подчеркивая важность момента выбора. Никакой мистической неопределённости — всё предельно ясно, ощутимо, локально. Критик Г. Харджиев подчёркивал, что Ахматова соединила акмеистскую точность формы с глубоким психологизмом, избежав при этом символистской чрезмерной абстракции. Он считал, что именно эта способность уравновесить эмоцию и форму делает её поэзию «новой классикой».³

И Гумилёв, и Ахматова утверждают ценность земного мира, но их пути к этой ясности различны. Гумилёв привносит в акмеизм героическое начало, привкус странствий, дух открытий. Его персонажи словно идут навстречу ветру, прямому солнечному свету, опасностям и достижению. Ахматова же обращается к внутреннему миру человека, но делает это через точные внешние детали. Различие подходов делает их творчество не конкурирующим, а взаимодополняющим. По словам акмеистов, акмеизм «предлагал поэту принять мир таким, каков он есть». В этом предложении заключена вся суть направления. Реальность не нуждается в украшениях и мистических подтекстах; она достаточно богата сама по себе. В этом смысле Гумилёв и Ахматова иллюстрируют основную идею движения: поэзия должна быть ясной, конкретной, архитектурно выверенной. Однако акмеизм — не отрицание духовного начала. Он не отвергает глубины человеческого опыта. Просто он ищет эту глубину не в туманных знаках, а в четких деталях. В пересказе одного из стихотворений Гумилёва герой ощущает «яркость мира, словно он впервые увидел очертания гор», и эта «первозданная ясность» становится источником

³ Харджиев Г. Поэтика Ахматовой: исследования и комментарии. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

вдохновения. Ахматова, наблюдая за «падением сухого листа на подоконник», видит в этой вещи не символ гибели, а простую, но хрупкую красоту момента.

По мнению современных исследователей, акмеизм можно рассматривать как попытку вернуть поэзии равновесие. Символизм слишком долго тяготел к разорванности между миром и духом, между реальностью и «иной реальностью». Акмеисты стремились закрыть эту пропасть и указать на то, что именно реальный мир — отправная точка подлинной духовности. В творчестве Гумилёва особую роль играет образ пути. Его герои всегда в движении. Они не ждут знака свыше, они выбирают маршрут, как картографы. В художественном пересказе можно представить, как герой стоит на краю пустыни, и перед ним тянутся караванные тропы, каждая из которых ведёт к новым городам. Этот образ хорошо иллюстрирует акмеистскую идею конкретного выбора. Ахматова, напротив, обращается к человеческим отношениям, но даже здесь она сохраняет акмеистскую точность. Её героиня не уходит в туман мистической любви; она видит перед собой реального человека. В пересказе можно представить, как две фигуры стоят у окна, и мгновение их разговора становится камертоном всей сцены.

Акмеизм — это также эстетика меры. Никаких избыточных эмоций, никакой декоративности. И Гумилёв, и Ахматова предстают мастерами лаконичной выразительности. Каждый их образ выверен. Каждое слово — на своём месте. Если символизм часто стремился скрыть смысл за многоуровневыми намёками, акмеизм позволяет читателю встретиться с миром лицом к лицу. Это не означает, что акмеизм полностью отвергает символическое измерение. Напротив, он осознаёт наличие символов, но использует их иначе. Символ становится не «тайной», а формой. Он не скрывает, а подчеркивает. Ахматова, например, часто использует мотивы времени или ожидания. Но они поданы не как мистические категории, а как бытовые, рефлексивные: время в её стихах измеряется «ударом дверной петли» или «каплей, упавшей со стула». Эти детали звучат не менее трагично, чем символистские метафоры, но прозрачнее и точнее. Гумилёв же

использует символы действия — путь, битву, выбор, но они тоже конкретны и материальны. В одном из пересказанных образов герой «поднимает меч, тяжёлый, как судьба, но реальный, лежащий в руке», что подчёркивает акмеистскую идею: судьба — не абстракция, а действие.

Таким образом, акмеизм как альтернатива символизму проявляется прежде всего в восстановлении действительности во всей её плотности. Он не отрицает глубину, но видит её в конкретном. Он не избегает духовности, но ищет её в земном. Именно творчество Гумилёва и Ахматовой позволяет увидеть, насколько гармонично может сочетаться ощущение формы, вещности и психологической сложности. Акмеизм прожил короткую, но чрезвычайно интенсивную жизнь. Однако его принципы оказали существенное влияние на всю дальнейшую русскую поэзию. Отказ от мистического тумана и возвращение к ясности стало одним из ключевых импульсов для последующих поколений модернистов. Именно поэтому анализ творчества Гумилёва и Ахматовой помогает увидеть не просто альтернативу символизму, но и путь развития русской поэтической культуры, где конкретность становится источником духовной глубины, а ясность — формой внутренней силы.

Список использованной литературы:

1. Городецкий С. Акмеизм // Русская литература начала XX века. – М.: Наука, 1998.
2. Жирмунский В. М. Творчество акмеистов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001.
3. Гинзбург Л. Я. О лирике. – Л.: Советский писатель, 1974.
4. Харджиев Г. Поэтика Ахматовой: исследования и комментарии. – М.: Языки славянской культуры, 2004.